

ность — выражение необходимости. В составе таких пословиц содержатся междометия, риторические вопросы, слова утверждения/отрицания, напр.: *Of young men die many, of old men escape not any. He that will not when he may, when he will he shall have pay.* Как правило, смысловой центр падает на слова утверждения/отрицания.

Классификация пословичного материала подтверждает универсальный и всеобъемлющий характер процесса отражения, а также взаимосвязь различных элементов диалектики.

Т. Д. Шабанова
(Уфа)

**ТЕМПОРАЛЬНАЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ
СПЕЦИФИКА СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА
(на материале английской и русской
поэзии)**

Поэтические произведения, как и всю художественную литературу, относят к временному искусству, пространственный же план обычно не подвергается анализу. Однако каждый стихотворный текст содержит художественное представление пространства-времени. Лирические стихи выражают внутренний мир человека, в них отсутствует, как правило, сюжет.

Как реальная ситуация отличается от поэтической, так и объективное пространство-время отличается от поэтического пространства-времени. Пространство в поэзии дается в виде ассоциативного механизма воображения, границы которого беспредельны: от микромира до космоса. Поэтическое пространство-время можно отнести к перцептивному пространству-времени, обеспеченному реальным временем и местом написания произведения, пространством-временем поэтической ситуации и языковыми средствами его выражения, представляющими определенную иерархию, а также реальным пространством-временем восприятия произведения.

Смысловая характеристика поэтического пространства-времени основывается на анализе перцептивного пространства-времени, которое своим истоком имеет концептуальное пространство-время. Автор пользуется национальным языком, в котором зафиксированы средства выражения пространства-времени, т. е. для выражения поэтического пространства-времени употребляет нормативные языковые средства, а аранжируя их по принципу *licentia poetica*, формирует особый поэтический пространственно-временной континуум.

Понятийно-смысловой уровень стиха — это начало его создания. Момент творения и окружающий поэта мир — реальное пространство-время. Микромир стихотворения — тоже пространственно-временной континуум, в котором присутствуют предметы в совокупности своих отношений (образы также предметны и материальны, как и окружающие нас вещи). Именно это

визуальное пространство-время облекается автором в языковые средства. Немаловажную роль в осознании пространственно-временного континуума лирического произведения играет реальное время и пространство в момент восприятия¹.

С позиции языка необходимо выявить закономерности использования поля лексико-грамматических средств выражения универсально-константных значений пространства и времени², а с позиции речи — текстообразующие законы их аранжировки. Сопоставление русского и английского текстов одной основы позволяет определить характерные особенности выражения «пространственной протяженности (охвата)» и «пространственной координации (соположенности)», а также «длительности явления (состояния)», его «времени жизни» и «смены явлений (состояний)», представляющих собой концептуальные формы реального пространства-времени с позиций марксистско-ленинской диалектики³.

Остановимся на анализе одного лирического стихотворения С. Есенина и его английском переводе⁴.

- (1) *Выткался на озере алый свет зари.*
- (2) *На бору со звонами плачут глухари.*
- (3) *Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.*
- (4) *Только мне не плачется — на душе светло.*
- (5) *Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог.*
- (6) *Сядем в копны свежие под соседний стог.*
- (7) *Зацелую допьяна, изомну, как цвет,*
- (8) *Хмельному от радости пересуду нет.*
- (9) *Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,*
- (10) *Унесу я пьяную до утра в кусты.*
- (11) *И пускай со звонами плачут глухари,*
- (12) *Есть тоска веселая в алостях зари.*

- (1) Scarlet rays the rising sun weaves into the lake.
- (2) Woodcocks, wailing on the boughs, pinewood echoes wake.
- (3) There's a weeping oriole hidden in a tree.
- (4) I alone don't wish to weep — all is fine with me.
- (5) Down the road at eventide you shall come, I know.
- (6) In the nearest rick we'll sit with fresh hay below.
- (7) I shall kiss you till you swoon, crush you like a bloom.
- (8) When a fellow's drunk with joy for reason there's no room.
- (9) You'll respond to my caress, cast your veil away,
- (10) I shall bear you to the bushes, there till dawn we'll stay.
- (11) Let the woodcocks loud and long weep their fill and mourn!
- (12) There's a merry wistfulness in the scarlet dawn.

Особенности характеристики «пространственного охвата» участвующих в поэтической ситуации объектов заключаются лишь в образности лексического выражения как наиболее конкретном уровне языковой фиксации: *кольцо дорог, алости зари*. К сожалению, в переводе эта поэтическая особенность воплощения «пространственной протяженности» не отражена из-за

специфики языкового строя. Уровень конкретизации в выражении «пространственного охвата» в двух языках различен: «уточнение» пространственной протяженности исходного объекта в предложении — речевом комплексе⁵ достигается предложной группой *на озере* и лексическим значением предиката *выткался*. В результате возникает пространственное видение отраженного в озере алого света зари.

В английском варианте пространственная характеристика этого же образа иная: внимание сосредоточивается на играющих в озере лучах восходящего солнца. В русском тексте подчеркивается статичность картинки, а в английском — процессуальность. В русском и английском текстах семантическая структура предложения одинакова — OBe, а синтаксические структуры различны: рус. — SP, а англ. — SPO, где S — the rising sun, O — scarlet rays. Возникают координационные пространственные отношения, как бы «отрывающие» «scarlet rays» от «the rising sun». И хотя в предложении эмфатический порядок слов позволяет создать единый пространственный образ зари, отличие в синтаксических структурах определяет и некоторое различие пространственного восприятия данного речевого комплекса.

В трех первых речевых комплексах в составе стихотворного сверхфразового единства (СФЕ) — предложения 1—4 — раскрывается непосредственный пространственный фон для размышлений поэта. Последней строкой начального СФЕ «Только мне не плачется — на душе светло» автор делится с читателем, приближает его к себе, но количественная доля пространственной координации практически элиминирована. Отсутствием лексических способов выражения пространства создается абстрактность предложения 4 в русском и английском текстах.

Строки 5—10 — разговор поэта с миром, с лирической героиней; это СФЕ максимально приближено к читателю. Второе СФЕ — авторское видение мира. В нем поэтически воплощена полная конкретизация пространственного соотношения между лирическими героями. Образ лирической героини то отдаляется от автора, он как бы смотрит на нее: *выйдешь к вечеру за кольцо дорог*, то позволяет читателю смотреть на героев со стороны: *сядем в копны свежие*.

Лимитация пространственного соотношения исходных объектов и присутствующих во втором СФЕ других участников поэтической ситуации достигается лексическим значением глаголов *выйдешь* — shall come, *сядем* — 'll sit, *зацелую* — shall kiss, *изомну* — crush, *сбросишь* — cast away как наиболее абстрактным средством выражения универсально-константного значения пространства-соотношения. Последующая конкретизация отмечается в предложных группах: *за кольцо дорог* — down the road, *в копны* — with hay below, *под соседний стог* — in the nearest rick, *в кусты* — to the bushes.

Наиболее абстрактное средство выражения пространственного континуума в русском предложении 9 достигается не глаголом, а именной группой *под ласками*, которая вместе с предикатом *сбросишь* образует причинно-следственную связь. В английском переводе этого предложения глагол сохраняет свою функцию первого уровня выражения локальности 'I respond, а предложная группа *to my sadness* лишь уточняет пространственную соположенность объектов.

Третье СФЕ объединяет предложения — речевые комплексы 11—12, в нем присутствует коммуникативная связь с читателем и мировоззренческая позиция автора.

Сравнение способов выражения пространственного плана в русском тексте стихотворения Есенина и его английском переводе убеждает, что один из основных семантических аспектов данного текста — пространственные отношения воспринимаются по-разному. Причина заключается в различии языковых средств выражения пространственных отношений. Пространственная лимитация в русском тексте, особенно лексический пласт, носит более обобщенный характер, чем в английском варианте.

Темпоральный план данного поэтического текста также сложен: и в русском, и в английском текстах выделяются языковой и речевой уровни анализа. Исследование речевых параметров стихотворения основывается на выделении трех СФЕ и характеристике особенностей перцептивного времени в каждом из них.

Переводчик практически полностью сохраняет временную адекватность текстов на речевом уровне. В первом СФЕ (предложения 1—4) представлено течение поэтического времени, максимально приближенное к восприятию реального времени. Это и сиюминутность, и всевременность.

Темпоральный план второго СФЕ переносит воображаемую картинку в будущее, чему соответствуют и грамматические формы предикатов в русском и английском текстах. Эстетическое время последнего СФЕ (предложения 11—12) достигается всевременными формами желательности *пусть* и *Let* и настоящими неопределенными формами предикатов в последней строке.

Языковой уровень анализа предполагает выделение в каждом предложении средств выражения универсальных значений «длительность состояния /явления/» и «смена состояний /явлений/». Именно этот аспект анализа может определить специфику выражения темпорального плана в стихотворной форме речи.

В предложении 1 исходный объект *алый свет зари* может быть охарактеризован состоянием *выткался*. «Время жизни» этого состояния зафиксировано в грамматической форме совершенного вида глагола-предиката. В английском варианте семантико-синтаксическая структура предложения иная. Исходный объект *the rising sun* находится в состоянии *weaves, a scarlet*

gaus выполняет функцию дополнения, находясь в состоянии being woven. «Время жизни» этого состояния (семантически единого с первым, а синтаксически членимого) проявляется в Present Indefinite глагола-предиката weaves. Отсюда и определенное несходство в восприятии микровремени этого речевого комплекса в разных языках.

В предложении 2 исходный объект *глухари* находится в состоянии *плачут*, грамматическая форма которого — настоящее время несовершенного вида. Семантическая структура английского предложения 2 иная. Исходный объект *woodcocks* находится не только в состоянии *wailing*, но и *waking pinewood echoes*. Несмотря на адекватность грамматических форм времени для выражения состояний исходного объекта *woodcocks* в русском тексте и его переводе, сами состояния и способы их представления различаются.

В предложении 3 об исходном объекте *иволга* говорится *плачет и схоронясь в дупло*. Здесь нет смены состояний, а время сказуемого одновременно времени обстоятельства. В английском переводе состояние исходного объекта *ogiole* представлено прежде всего глаголом обобщенной семантики 's, который конкретизируется причастием I *weeping* и пространственным причастием II *hidden*. Смена состояний также не отмечается, а «время жизни» этого состояния выражено в Present Indefinite.

В предложении 4, завершающем первое СФЕ, исходный объект — лирический герой находится в состоянии *не плачется и на душе светло*. Тире между предикатами указывает на одновременность этих состояний. Аналогичный анализ будет справедлив и для английского перевода.

Во втором СФЕ каждый речевой комплекс — строка представляет собой постепенную смену состояний, в которых находятся лирические герои — исходные объекты: *выйдешь* → *сядем* → *зацелую* → *изомну* → *сбросишь* → *унесу*. Длительность каждого из этих состояний, будучи в перспективной плоскости, уточняется соответственно темпоральными лимитаторами *к вечеру, до утра*.

Если в русском тексте исходный объект и его первичный атрибут — предикат имеют синкретичную форму выражения, то в английском переводе состояние исходного объекта и время его пребывания в нем выражается дискретно: *you shall come* → *we'll sit* → *I shall kiss you* . . . *crush* → *you'll respond* . . . *cast away* → *I shall bear* . . . *we'll stay*. Лимитация временного плана каждого речевого комплекса стремится к адекватности с русским текстом: *at eventide, till dawn*.

Состояние бытия в финальной строке стихотворения, характеризующее исходный объект *тоска веселая* — *a merry wistfulness*, «безвременно», поскольку предложение имеет медитативный характер. Предикат *есть* и 's выражен в настоящем неопределенном времени, типичном для такого рода высказываний.

Таким образом, пространственно-временной план поэтического произведения — это прежде всего перцептивное пространство-время, которое рассматривается как эстетическая форма концептуального пространственно-временного континуума. Предлагаемая методика анализа дает возможность выделить языковые средства выражения универсально-константных значений пространства и времени, которые являются языковой нормой, определить особенности выражения этих универсальных значений в поэзии на русском и английском языках.

Речевой уровень анализа позволяет обнаружить специфику пространственно-временных отношений в текстообразующих структурах лирических стихов: сверхфразовых единствах содержательного, мировоззренческого, коммуникативного типов. Анализ поэтического текста на уровне значения (языковой и речевой аспекты) — необходимая основа для его интерпретации на уровне смысла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ритм, пространство, время в литературе и искусстве. Л., 1974. С. 30—35.

² Об иерархии языковых средств выражения универсально-константных значений пространства и времени в прозе см.: *Шабанова Т. Д.* Темпоральные отношения в семантико-синтаксической структуре простого предложения современного английского языка // Семантико-системные отношения в языке. Свердловск. 1984. С. 15—21.

³ См.: Философская энциклопедия: В 5 т. М., 1965. Т. 4. С. 392—397.

⁴ *Есенин С.* Избр. стихотворения и поэмы: На английском языке с параллельными русскими текстами. М., 1982. С. 30—31.

⁵ См.: *Кошечкина И. Г.* Текстообразующие структуры языка и речи / МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1983. С. 35—81.

И. К. Шмидт
(Свердловск)

РЕЧЕВАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛОВА (опыт лингвистического анализа текстового материала)

В последние годы все большее внимание уделяется анализу семантической структуры слова, разработаны и продолжают разрабатываться разнообразные методики. Одни исследователи придерживаются аналитического метода, выводя семантические компоненты на основе сравнения лексических единиц, другие используют противоположный, синтетический метод исходя из априорно устанавливаемых семантических категорий (параметров), сочетание которых и определяет семантическую структуру данного слова¹.

При всем своем многообразии применяемые методы анализа имеют одну общую особенность: семантическая структура слова определяется как элемент лексической системы в языке, а не в речи, не в конкретной реализации. Однако для постижения